

нѣ бы, намъ кажется, искать „выучениковъ“ митр. Кипріана да еще такихъ, „которыхъ, по утверженію нашего автора, митрополитъ, вѣроятно, училъ самой манерѣ писать буквы, ставить титла, употреблять лигатуры и вязи и орнаментировать кивоварью начальныя буквы“, прежде всего не въ иногородныхъ монастыряхъ, и не на лѣтней митрополичьей дачѣ въ Голенищевѣ, а ближе всего въ Москвѣ и на митрополичьемъ именно дворѣ. Въ этомъ отношеніи занесенное Татищевымъ въ свою Исторію Россійскую свидѣтельство о данномъ митр. Кипріаномъ Спасскому (=Спаса на Бору) архимандриту Игнатію порученіи докончить его книжно-литературныя труды получаетъ нѣкоторое значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ митрополичій и потомъ патриаршій дворъ XVI—XVII столл. съ довольно разнообразными учрежденіями при немъ, начиная съ приказовъ и кончая иконописной мастерской и своего рода „правильной палатой“, лишь повторялъ только въ большемъ масштабѣ черты раннѣйшей на этотъ счетъ организаціи.—Центральномъ пунктомъ изученія о. Іакова были рукописи нашей Академической бібліотеки №№ 152, 142 и 144, въ частности—рѣшеніе вопроса, принадлежатъ ли онѣ перу митроп. Кипріана? Всѣ три рукописи проштудированы имъ съ рѣдкимъ стараніемъ, описаны съ замѣчательною полнотою и отчетливостію и демонстрированы въ текстѣ сочиненія и въ особомъ приложеніи къ нему множествомъ снимковъ, стоившихъ автору большого труда и не маленькихъ матеріальныхъ затратъ. Въ сужденіяхъ автора о палеографическихъ, лексическихъ и морфологическихъ особенностяхъ изученныхъ имъ памятниковъ сказывается основательное знакомство его съ избранною специальностію. Въ этомъ обширнѣйшемъ отдѣлѣ автору пришлось трудиться совершенно самостоятельно, поднимать, что называется, цѣлину, и отъ посѣянныхъ имъ здѣсь сѣмянъ есть полная надежда ожидать хорошихъ плодовъ“.

9) О сочиненіи студента *Дубчука Владиміра* на тему: „Описаніе рукописей Московской Духовной Академіи, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о расколѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Сочиненіе г. Дубчука состоитъ изъ „предисловія“ (I—XXXV), описанія шестидесяти одной рукописи (1—358), кри-

тико-библіографическихъ „примѣчаній“ къ описаннымъ рукописямъ (01—0107 стр.), и краткаго „заключенія“ (I—III). Въ предисловіи авторъ даетъ общую характеристику раскольническихъ рукописей, какъ источника для исторіи раскола—говоритъ о главнѣйшихъ изданіяхъ ихъ и, наконецъ, сообщаетъ краткія историческія свѣдѣнія—изъ какихъ поступленій сложилось собраніе раскольническихъ рукописей въ нашей академической бібліотекѣ. Въ описаніи самыхъ рукописей авторъ слѣдуетъ обычнымъ приемамъ такого рода работъ: отмѣчаетъ время написанія рукописи, характеръ письма, число листовъ, размѣръ бумаги (въ сантиметрахъ), опредѣляетъ личность автора и писца, а иногда и исторію рукописи,—даетъ, наконецъ, довольно полныя свѣдѣнія о составныхъ частяхъ той или другой рукописи, выписывая обыкновенно не только общее заглавіе ея, но и заглавія частныхъ статей, равно какъ и ихъ начальныя тексты. Описанныя авторомъ рукописи распадаются на книги богослужебнаго содержанія,—историко-полемиическія (каковы, напр., Виноградъ Россійскій, Поморскіе отвѣты, Исторія о бѣгствующемъ священствѣ и т. п.),—и назидательно-агіологическаго характера (различнаго рода „сборники“, прологи и святцы). Изъ довольно обширныхъ „примѣчаній“ г. Дубчукъ даетъ бібліографическія справки,—въ какихъ древлехранилищахъ имѣются еще экземпляры описываемыхъ имъ рукописныхъ памятниковъ, или какія существуютъ печатныя ихъ изданія,—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и детально показываетъ тѣ варианты, какими отличаются описываемыя имъ рукописи отъ соответствующихъ печатныхъ изданій. Относительно нѣкоторыхъ же рукописей,—какъ, напр., анонимаго раскольническаго трактата: „Шить вѣры“,—авторъ дѣлаетъ самостоятельныя опыты опредѣлить личность автора, мѣсто и время написанія памятника.—Какъ работа чисто бібліографическая, сочиненіе г. Дубчука не представляетъ благодарнаго поля для критическихъ замѣчаній. Изъ недостатковъ сочиненія отмѣчу нѣсколько мелочей. Во-1-хъ, для читателя представляется неяснымъ, на какомъ основаніи авторъ включаетъ въ свое „описаніе“ такіе памятники, какъ нѣкоторыя рукописи богослужебнаго содержанія, относящіяся къ 16-му вѣку. Вѣдь если всю рукописную церковно-богослужебную древне-русскую письменность трактовать, какъ имѣющую

болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ вопросу о старообрядческомъ расколѣ, то, конечно, количество подлежащихъ обзорѣнію г. Дубчука рукописей не исчерпывалось отмѣченными у него нѣсколькими экземплярами (№ 1, 3, 4). То обстоятельство, что отмѣченныя г. Дубчукомъ рукописи, по его заявленію, несутъ на себѣ слѣды несомнѣннаго употребленія при раскольническомъ богослуженіи, конечно, не является достаточнымъ основаніемъ,—чтобы относить ихъ къ категоріи памятниковъ, „заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о расколѣ“. Во-2-хъ, библиографическій указатель печатныхъ описаній и изданій рукописей не отличается у г. Дубчука безусловной полнотой. Такъ, напр., въ числѣ изданій Стоглава не отмѣченъ экземпляръ Стоглава, обследованный архим. Евдокимомъ. Въ 3-хъ, есть въ сочиненіи г. Дубчука неудачныя и неточныя выраженія (стр. VI, VIII, 2, 156, 160, 167, 015, 051, 084 и др.). Между прочимъ, различія между отдѣльными списками тѣхъ или другихъ памятниковъ, состоящія нерѣдко въ цѣломъ рядѣ слововыраженій, у автора почему-то всюду опредѣляются, какъ „ореографическія“ разности. Отмѣченные мелкіе дефекты работы г. Дубчука, однако, съ избыткомъ покрываются количествомъ того усидчиваго труда, какой былъ затраченъ авторомъ при ея выполненіи. Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Таржева*:

„Авторъ, повидимому, потратилъ не мало труда на свою механическую работу. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

10) О сочиненіи студента *Житникова Сергія* на тему „Южно-славянскіе покаянные номоканоны“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Рукописные покаянные номоканоны, какъ древне-русскіе, такъ и южно-славянскіе, далеко не изучены. А такъ какъ между тѣми и другими есть несомнѣнное сродство, то изученіе ихъ должно вестись параллельно. Такъ это и сдѣлалъ г. Житниковъ. Онъ взялъ для изученія изъ южно-славянскихъ слѣдующія главныя рукописи: болгарскій номоканонъ XIV в. Имп. Пуб. Б-ки Q II, № 90, слѣдованную Псалтирь XV ст. съ добавочными каноническими статьями той-же

удается все-таки въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ достаточною убѣдительностью показать, что эти правила образовались путемъ извѣстныхъ наслоеній, что одни изъ нихъ имѣютъ основное значеніе, а другія являются позднѣйшими вставками и дополненіями. Вопросъ, разсматриваемый авторомъ, еще мало изслѣдованъ, и вся его работа основана на рукописномъ матеріалѣ, далеко не легкомъ для изученія. Степени кандидата богословія г. Житниковъ вполне заслуживаетъ“.

11) О сочиненіи студента *Ильинскаго Владиміра* на тему: „Природа человѣка по русскимъ народнымъ воззрѣніямъ“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Выборъ темы, предложенной г. Ильинскому, опредѣлялся слѣдующими соображеніями:

Какъ для церковнаго дѣятеля, такъ и для историка мысли одинаково необходимо узнать и понять народное жизнепониманіе въ его цѣломъ. Если перваго не можетъ не занимать, къ кому идутъ тѣ, кого онъ учитъ, то втораго, по справедливости, должно интересоватъ, отъ когò произошли тѣ, у кого онъ учится. Народное міросозерцаніе, какъ глина, для воздѣйствій пастыря, и народное міросозерцаніе какъ лоно, рождающее мыслителей, для историка—вотъ *общій* предметъ размышленій и для дѣятеля жизни и для созерцателя ея. Безъ знанія этой среды народный пастырь бросалъ бы сѣмена ученія на каменистую почву, а ученый вырывалъ бы ростки мысли изъ родной имъ земли. Изучить и понять эту мыслительную среду, какъ *стройное, цѣльное и въ себѣ достаточное жизнепониманіе*,—не какъ фантастическій сбродъ капризныхъ ассоціацій недоразвитаго „люда“, не какъ поэтическую аллегорію банальныхъ истинъ и не какъ запутанную ткань сплетающихся „вліяній“,—вотъ трудъ стоящій на очереди и требующій вниманія къ себѣ.

Но чтобы опредѣлить, съ чегò начинать это изученіе, необходимо уяснить себѣ, къ какому типу относится народное жизнепониманіе. Отвлеченно говоря, каждая изъ трехъ проблемъ онтологіи, — „Богъ“ „міръ“ и „человѣкъ“ —, можетъ быть принята за *главную*, и, сообразно тому или иному выбору, возникаетъ одинъ изъ *трехъ* типовъ жизнепониманія:

еоцентризмъ, какъ жизнепониманіе откровенно-богословское, церковное, имѣющее въ основѣ опытъ благодатный; *космоцентризмъ*, какъ жизнепониманіе эмпирически-научное, интеллигентское, имѣющее въ основѣ опытъ чувственный, и, наконецъ, *анеропоцентризмъ*,—пониманіе оккультно-метафизическое, философское, корнемъ своимъ имѣющее опытъ магическій. И, хотя рѣдко то или иное жизнепониманіе бываетъ на практикѣ вполне безпримѣснымъ отъ другихъ, но можно, все же, съ большою степенью опредѣленности утверждать, что „народъ“, поскольку онъ не просвѣщенъ церковностью или не развращенъ интеллигентщиной, имѣетъ своею родною стихіей жизнепониманіе именно послѣдняго, „философскаго“ типа. А если—такъ, то въ этомъ анеропоцентрическомъ жизнепониманіи проблема „человѣка“ занимаетъ мѣсто первое, и рѣшеніе ея предопредѣляетъ отвѣты на прочіе вопросы, возникающіе въ умѣ народномъ.

Свое разслѣдованіе того пониманія, котораго держится русскій народъ на природу человѣка, г. Ильинскій раздѣляетъ на *пять* главъ и небольшое заключеніе. Въ *главѣ первой* дается „общая характеристика народнаго міросозерцанія“ (стр. 2-20). Эта характеристика весьма точно выражается эпитафюмъ—стихомъ Баратынскаго: „Съ природой одною онъ жизнью дышалъ“. „Вся природа, по русскому народному представленію,—говоритъ авторъ,—является сплошь проникнутой началомъ взаимной симпатіи и любви. Всѣ элементы ея, не исключая и человѣка, суггестивны, родственны другъ другу. Отъ края до края, вдоль и поперекъ, подобно телеграфнымъ и телефоннымъ проволокамъ, идутъ и взаимно перекрещиваются сочувственные токи природы. Достаточно гдѣ-либо, хотя въ самомъ отдаленномъ уголкѣ этого великаго царства, раздаться тревожному звуку—и, какъ въ сложномъ музыкальномъ ящикѣ, со всѣхъ сторонъ раздадутся созвучные аккорды. Точь въ точь, какъ въ сказкѣ «Иванъ царевичъ и Сѣрый волкъ»: строго на строго наказывалъ Сѣрый волкъ Ивану царевичу—взявъ коня изъ конюшни, не брать золотой уздечки. Но Иванъ царевичъ не послушался своего покровителя и, захвативъ коня, хотѣлъ снять и уздечку, висѣвшую на стѣнѣ. Но лишь только онъ дотронулся до нея, какъ «вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всей конюшнѣ, потому что къ той уздѣ были струны при-

ведены». Все живо и все разумно въ природѣ,—вся она по образу человѣка, и самъ человѣкъ—лишь часть ея.—Таково содержаніе *первой главы*. *Вторая глава* (стр. 21-70) разсматриваетъ „представленія народа о душѣ“. Она дѣлится на пять отдѣловъ. Сперва даются „общія замѣчанія“, въ которыхъ душа человѣческая характеризуется какъ существо самостоятельное и независимое отъ тѣла; изслѣдуется мѣсто-пробыванія ея, ея природа, „матеріальная и вещественная“, и тождество ея съ душою прочихъ тварей и со стихіями,—что видно изъ доступности для души „воплощаться“ въ разныя формы. Затѣмъ идетъ подробное разсмотрѣніе разныхъ видоизмѣненій души,—стихійныхъ (душа—огонь, звѣзда; душа—дыханіе, вѣтеръ, дымъ и парь), зооморфическихъ (душа—крылатое существо; душа—животное), растительныхъ (душа—растеніе, дерево, цвѣтокъ) и анеропоморфныхъ (душа—русалка, малютка-эльфъ, тѣнь).—*Третья глава* (стр. 71-129) раскрываетъ „представленія народа о внутреннемъ мірѣ человѣка и о нѣкоторыхъ проявленіяхъ духовной стороны его существа—въ частности“. Сперва дается „общая характеристика этихъ представлений“; внутренняя жизнь человѣка характеризуется, именая, „конкретизмомъ“—во-первыхъ и „детерминизмомъ“—во-вторыхъ. „Конкретизмъ“ заключается въ истолкованіи внутреннихъ процессовъ какъ процессовъ внѣшнихъ,—черезъ уподобленіе ихъ явленіямъ внѣшней природы; „детерминизмъ“ „заключается въ томъ, что эти переживанія мыслятся не какъ произведеніе свободнаго человѣческаго духа, могущаго, по собственной инициативѣ, возбуждать въ себѣ тѣ или иныя чувства и настроенія мысли и желанія,—но какъ неизбѣжный результатъ воздѣйствія разнаго рода внѣшнихъ причинъ и факторовъ“. Затѣмъ, въ частности разсматриваются въ рядѣ параграфовъ наиболѣе значительныя явленія внутренней жизни: любовь, тоска - кручина, слово и мысль, наука и мудрость.—Въ слѣдующей, *четвертой главѣ*, излагаются „представленія народа о тѣлѣ человѣка“ (стр. 130-188). Сперва вообще разсматривается „составъ тѣлесной природы человѣка“ и характеризуется „механическое представленіе о тѣлѣ“; затѣмъ идетъ рѣчь о „рожденіи человѣка“ и, наконецъ, о важнѣйшихъ составныхъ частяхъ тѣла,—о „глазахъ“, о „волосахъ“, о „крови“ и о „болѣзняхъ“ (т. к. болѣзни—не состоянія тѣла, и именно составныя части его).—

Пятая глава, послѣдняя, удѣлена „представленіямъ народа о смерти и посмертномъ существованіи“ (стр. 189-209), и въ ней мы находимъ параграфы о „смерти“, о „посмертномъ существованіи“ и о „мѣствъ загробнаго существованія“. Наконецъ, въ „*Заключеніи*“ (стр. 210-219) г. Ильинскій пытается вкратцѣ уяснить отношеніе народныхъ воззрѣній къ Библейскимъ и связь поэзіи съ жизнепониманіемъ народнымъ.

Таковъ планъ. Но, чтобы судить о его достоинствахъ, необходимо держать въ умѣ своеобразность того матеріала, который излагается по нему. Въдѣ можно составить планъ стройный и изящный до изученія предмета; но при всей своей логичности онъ легко можетъ оказаться прокрустовымъ ложемъ для излагаемыхъ взглядовъ, ибо дѣленія его выражаютъ не естественныя расчлененія излагаемаго, а привычки и требованія ума излагающаго. Съ другой стороны, составляя планъ уже по изученіи предмета, сообразный съ его естественными очертаніями, можно пойти въ разрѣзъ привычнымъ для читателя дѣленіямъ понятій. Предпочитая стѣсненіе читателя стѣсненію предмета, г. Ильинскій пошелъ вторымъ изъ указанныхъ путей, и, съ точки зрѣнія народныхъ взглядовъ, его планъ нельзя не признать удачнымъ. Преимущество сдѣланнаго выбора обнаруживается спервоначала же, т. к. обильный матеріалъ располагается по, страннымъ на первый взглядъ, рубрикамъ естественно и сжато.

Источниками г. Ильинскаго служили собранія сказокъ, пѣсенъ, пословицъ, заговоровъ, причитаній и отчасти апокрифовъ, — ибо, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ, и они стали достояніемъ народнымъ. Затѣмъ, авторомъ внимательно изучены труды Аванасьева, Харузина, Шеппинга, Сумцова, Ветухова, Веселовскаго и др. Хотя пожаловаться на недостатокъ литературы въ данномъ случаѣ было бы несправедливостью, но все же слѣдуетъ отмѣтить въ приводимомъ г. Ильинскимъ перечнѣ отсутствіе трудовъ врача *В. Ф. Демича* по народной медицинѣ, собранія этнографическихъ матеріаловъ *П. В. Шейна*, сказокъ—*Ончукова* и рѣшительное умолчаніе этнографическихъ журналовъ.

Въ общемъ, изложеніе народныхъ воззрѣній сдѣлано достаточно полно и отчетливо; принимая же во вниманіе, что

работа г. Ильинскаго—первый опытъ въ своемъ родѣ, должно привѣтствовать ее, какъ цѣнное систематизированное собраніе отдѣльныхъ, разбросанныхъ по многимъ источникамъ черточекъ народной этнопологіи. Изложеніе въ общемъ ведется со стремленіемъ проникнуть въ душу народную и съ пониманіемъ, если не метафизическихъ, то поэтическихъ преимуществъ народныхъ воззрѣній предъ интеллигентскими. Самый тонъ работы—воодушевленный; читается она безъ труда и даже съ интересомъ. Самые недостатки ея чаще всего объясняются изъ трудности противостоятъ гипнотизирующему воздействию генераловъ отъ фольклора, каковъ на примѣръ А. Н. Аванасьевъ, свои громадныя познанія и свой талантъ употребившихъ на тенденціозную защиту недостойныхъ ихъ и поверхностныхъ теорій. Читая сочиненіе г. Ильинскаго, нерѣдко говоришь себѣ: „Какъ было бы хорошо, если бы онъ ограничился одними только сборниками сырыхъ матеріаловъ и не связывалъ бы себя съ сюзеренами въ тяжелыхъ латахъ, но на ногахъ безсильныхъ!“

Эти дурныя вліянія литературы начинаются уже съ произвольнаго терминопотребленія, кстати сказать, такъ часто встрѣчающагося у историковъ литературы и фольклористовъ,—насилій надъ языкомъ тѣмъ болѣе досадныхъ, что ничто не нудило автора ставить мнимый *терминъ* тамъ, гдѣ можно было бы обойтись обычнымъ *словомъ*.

Такъ, г. Ильинскій многократно (стр. 4, 5, 29, 43, 45, 46, 53, 58, 61, 66 и т. д.) говоритъ объ „инкарнаціи“ души, доходя даже до *contradictio in terminis*: „зооморфная инкарнація души“—(стр. 58). Огонь, звѣзда, цвѣтокъ, птица, русалка и т. д.—все это, по настойчивому заявленію автора, „инкарнаціи“, „воплощенія“ души. Но, по его же объясненіямъ, совершенно справедливымъ, для народа нѣтъ рѣзкой границы между духомъ и веществомъ. Огонь, звѣзда и т. д.—это, по народному пониманію, не инкарнаціи души, а *виды* души, способы явленія ея, и если ужъ надо говорить иностранное слово, то мы сказали бы: это—„матеріализація“ души или „манифестація“ ея въ видѣ огня и т. д., это, какъ выражается случайно въ одномъ мѣстѣ самъ авторъ, „морфизація души въ мышь“ (стр. 56-7).—По легендѣ, одинъ старецъ, войдя ночью въ хату, увидѣлъ въ одной изъ комнатъ, что „двигадюки кусаютца“, и оказалось, что въ этой комнатѣ жили

несогласные супруги (стр. 54-55). Но малорусская легенда вовсе не хочет сказать, что души ихъ „воплотились“ въ гадюкъ, а просто—, что онѣ явились во образѣ гадюкъ. Даже русалки—и онѣ „воплощеніе“ душъ, по словамъ г. Ильинскаго (стр. 66). Но вѣдь и безъ *изученія* фольклора,—а, м. б., именно *безъ* изученія его—всякому ясно, что не душа живетъ въ русалкѣ, а что сама русалка—это и есть душа,—не вселившаяся, а явившаяся.

Другое понятіе, которымъ злоупотребляетъ г. Ильинскій,—это понятіе „матеріальности“. Онъ забываетъ, что глаголемая „матеріальность“ есть противоположеніе „духовности“ (въ *психологическомъ*, не въ аскетическомъ смыслѣ), и что поэтому не можетъ быть понятія о матеріальности тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о духовности. Вотъ почему безсодержательны утвержденія его вродѣ: „природа души матеріальна“ (стр. 26), „слово—матеріально“ (стр. 107) и т. д. Народъ не различаетъ понятій „матеріальность“ и „духовность“: для него все имѣетъ свойства и духовныя и матеріальныя, и, если ужъ разсуждать въ научныхъ терминахъ, то надо бы характеризовать душу не матеріалистически, а монистически.

Точно также неоснователенъ и персонализмъ, приписываемый г. Ильинскимъ народнымъ воззрѣніямъ. Чтобы сказать: „Все лично“ (стр. 15), надо доказать, что у народа есть понятіе о чистой вещиности, и что своимъ сужденіемъ „Все лично“ народъ устраняетъ возможность сужденія: „Есть чистая вещь“. Но, поскольку нѣтъ понятій о вещи, постольку не можетъ быть понятій и о личности. Да и самое-то понятіе о личности, созданное христіанствомъ, рѣшительно чуждо магическому жизнепониманію народа, какъ чуждо оно и произрастающей на немъ философіи.

Ошибка подобнаго же рода въ утвержденіи г. Ильинскаго, что „народъ смерти не знаетъ“ (стр. 5). Конечно, народъ не противопоставляетъ живого—безжизненному, да и самое-то слово „безжизненный“, въ его научномъ значеніи, исключается народнымъ языкомъ. Но смерть извѣстна народу, доказательствомъ чего служитъ хотя бы существованіе въ его языкѣ слова „смерть“. Но если, такимъ образомъ, нѣтъ противоположенія „живой“ и „безжизненный“, а г. Ильинскій говоритъ повидимому о „безжизненномъ“, то народъ именно

не знаетъ безжизненнаго,—не знаетъ, а не отрицаетъ его существованія.

Еще ошибка того же типа—утвержденіе о „механическомъ характерѣ народныхъ представленій о тѣлѣ“ (стр. 134). *Механическое* прогивополагается *органическому*; у народа же нѣтъ ни того, ни другого понятія, и его воззрѣнія не характеризуются ни тѣмъ, ни другимъ признакомъ. Скорѣе всего, народное представленіе о тѣлѣ—какъ о симбіозѣ, о колоніи, о содружествѣ органовъ и частей,—во всякомъ случаѣ не какъ о механизмѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что каждый членъ тѣла одаренъ самодѣятельностью и можетъ отказаться отъ своей обычной работы, а остальные, какъ-нибудь, обходятся сами по себѣ, ясно доказываетъ, что тѣло—не механизмъ, ибо механизмъ, по изытіи части, вовсе перестаетъ дѣйствовать, а части его лишены какой бы-то ни было самостоятельности.

Еще болѣе неудачнымъ должно признать терминъ „суггестивный“, заимствованный г. Ильинскимъ едва ли не у одного изъ Веселовскихъ. Непонятно, къ чему понадобилось ученымъ авторамъ вводить этотъ даже въ психологіи малоупотребительный терминъ въ какомъ-то расплывчатомъ значеніи, для обозначенія внутренней связи природы и чловѣка (см. стр. 20).

„Принципъ similia similibus...“ въ народномъ пониманіи г. Ильинскій передаетъ слѣдующей фразой: „Придумываютъ какой-либо *суррогатъ* больного мѣста и, *оперируя* съ нимъ, рассчитываютъ оказать воздѣйствіе на его *дѣйствительный эквивалентъ*“ (стр. 181). Недоумѣваю, можно ли „замѣстителя“ больного члена назвать „суррогатомъ“, а самый членъ—„дѣйствительнымъ эквивалентомъ его“, т. е. суррогата. Если и впрямь суррогаты бываютъ не только кофе съ чаемъ, но и рукъ, глазъ, сердца и т. п., то, конечно, не символъ и не часть органа, употребляемая въ магіи, есть „суррогатъ“ его, а какая-нибудь искусственная рука, или стеклянный глазъ, или резиновое сердце, буде таковое появится въ продажѣ, вставляемые вмѣсто настоящихъ. Но еще болѣе странно говорить объ „эквивалентѣ суррогата“ въ смыслѣ настоящаго органа, ибо эквивалентомъ суррогата можетъ быть лишь другой суррогатъ, но никакъ не органъ, который выходилъ бы „эквивалентъ своего эквивалента“.

Рецензентъ понимаетъ, что за всѣми этими столь поспѣшными выраженіями содержится смыслъ не столь непріемлемый; но если даже *русскія, народныя* воззрѣнія мы станемъ излагать газетнымъ эсперанто, то чтѣ станется съ русскимъ языкомъ. Однако, смѣю думать, что эти выраженія, навѣянные больною литературою на здоровую голову г. Ильинскаго и воспринятія имъ отъ излишней довѣрчивости, тамъ, въ этой литературѣ, вовсе *не* случайны. Люди говорятъ какимъ-то не то жаргономъ, не то космополитическимъ воляпюкомъ потому, что у нихъ нѣтъ ни чутья, ни любви къ русскому языку. Но, мало того. Самое примѣненіе къ народному жизнепониманію терминовъ и понятій интеллигентской „науки“, ему вовсе не свойственныхъ, самый судъ надъ русской общиною по законамъ интернаціональнаго умственнаго кагала убѣждаетъ съ безспорностью, что за подсудимымъ не признается самобытности. Народъ, при такихъ условіяхъ, неизбежно долженъ оказаться „смѣшивающимъ“ то-то и то-то „не знающимъ“ того-то и того-то и т. д., однимъ словомъ, его духовная жизнь тогда не можетъ не оказаться лишь „рудиментомъ“ интеллигентской, лишь нисшей ступенью на пути къ интеллигентщинѣ. Но чтобы не говорить этого сразу, обыкновенно дѣлаютъ сперва поспѣвъ мнимо-ученныхъ словъ, которыя затѣмъ неизбежно должны дать въ умахъ ядовитую жатву.

Сказанное здѣсь я не отношу къ г. Ильинскому,—я его лишь предостерегаю. Но и у него, не смотря на его сочувственное отношеніе къ народной жизни, тамъ и сямъ срываются высокомѣрные отзѣвы о томъ, что народъ „не доросъ“, „не умѣетъ“ и т. п.

Наиболѣе существенный вредъ отъ этого—упрощенное толкованіе души народной, выражающееся въ натуралистическомъ объясненіи онтологическихъ взглядовъ народа. Народныя воззрѣнія основаны на непосредственной, природной мистикѣ; тутъ, въ глубинѣ мистическихъ погруженій въ естество вещей, на лонѣ матери-природы открывается таинственное сродство явленій и существъ, внѣшне разнородныхъ. Производное ли познающаго разума, или данное онтологіи—но есть какое-то столь же странное, сколь и несомнѣнное соотвѣтствіе вещей и существъ,—есть естественная символика бытія. Для разсудочника-интеллигента, не знающаго міровъ иныхъ, все выравнивается въ плоскости раз-

судка. И такого же разсудочника интеллигентъ хочетъ видѣть въ народѣ. Отсюда-то и возникаютъ подмѣны простыхъ и само собою понятныхъ сужденій народа, выражающихъ непосредственное воспріятіе, сложными силлогизмами, предполагающими громоздкія разсудочныя теоріи, къ тому же крайне поверхностныя. „Глаза жгутъ“—это понятно всякому. Но интеллигентъ полагаетъ, что яснымъ это можетъ стать только благодаря его помощи,—когда онъ „установитъ“, будто народъ считаетъ глаза причастными свѣту, а, стало быть, и теплу, ибо не бываетъ свѣта безъ тепла; тепло же—отъ огня, а огонь—жжетъ; ergo, и глаза жгутъ. Но на дѣлѣ бываетъ въ народной душѣ совсѣмъ не такъ. Въ основѣ сужденій лежатъ переживанія, и, въ сущности, *всѣ* или *почти всѣ сужденія суть „сужденія воспріятія“*. Глаза родственны огню, погочуто они жгутъ, а не—жгутъ потому, что родственны. Да и откуда бы иначе могли вѣстаться рѣчи о сродствѣ глазъ съ огнемъ? Метафора—это вывѣтрившаяся истина онтологіи, а не онтологія—взятая всерьезъ метафора. Между тѣмъ, на мнимомъ подмѣнѣ народомъ реальностей и конкретныхъ переживаній отвлеченными, неизвѣстно откуда берущимися понятіями и теоріями основано большинство научныхъ „объясненій“ народнаго жизнепониманія. Если бы интеллигентъ на минуту отрѣшился отъ своего „культурнаго“ высокомерія и своей разсудочной гордыни и, лишь на минуту, пересталъ бы считать всѣхъ, не принадлежащихъ къ „своимъ“, къ кружку своихъ единомышленниковъ, идіотами и кретинами,—которые могутъ удовлетвориться самымъ наиповерхностнѣйшимъ объясненіемъ,—то тогда бы онъ повялъ безуміе навязывать цѣлому народу, цѣлымъ народамъ глухія теоріи, чтобы потомъ, опровергнувъ ихъ и показавъ ихъ нелѣпность, еще болѣе утвердиться въ своей разсудочной отрѣзанности отъ всего живого.

Къ сожалѣнію, не вполне избавился отъ гипноза интеллигентщины и г. Ильинскій. То становясь на приблизительно правильную точку зрѣнія описанія, то усваивая себѣ высокомерный тонъ и дѣлая заявленія о томъ, что „народъ еще не доросъ“, „народъ не умѣетъ анализировать“, что его жизнепониманіе „рудиментарно“ и т. п., онъ неизбѣжно начинаетъ хромать на оба колѣна.

Приведенный выше примѣръ „глазъ“ выхваченъ рецензентомъ наудачу; подобныхъ объясненій можно было бы при-

влечъ и еще немало. Въ оправданіе г. Ильинскому можно сказать лишь то, что „не онъ одинъ,—все такъ же разсуждаютъ“. Въдѣ видѣтъ въ художественныхъ народныхъ произведеніяхъ, въ символахъ, съ удивительнымъ единообразіемъ повторяющихся изъ вѣка въ вѣкъ и отъ народа къ народу, не болѣе какъ выраженіе самыхъ плоскихъ истинъ,—одно время стало необходимою принадлежностью „научности“; при этомъ изслѣдователи не задавали себѣ вопроса ни о томъ, откуда берется это единообразіе символики, ни о томъ, какой интересъ народу заниматься, и упорно заниматься, въ сложномъ видѣ, тѣмъ, что всякому извѣстно въ видѣ болѣе простомъ и болѣе обыкновенномъ.

По слѣдамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, г. Ильинскій рѣшительно проводитъ чрезъ все сочиненіе ту мысль, что народъ понимаетъ природу „какъ себя“, по образцу своей внутренней жизни. Но когда заходитъ рѣчь о томъ, какъ же народъ понимаетъ себя, свои внутренніе процессы, то изслѣдованіемъ обнаруживается съ настойчивостью не меньшею, что себя онъ понимаетъ „какъ природу“, по образцу тѣхъ процессовъ, которые наблюдаетъ въ природѣ. И на этомъ и г.г. изслѣдователи, и г. Ильинскій успокаиваются, даже не замѣчая, что если народъ „понимаетъ природу, какъ себя, и себя, какъ природу“, то *или* тутъ въ изслѣдованіи—*идетъ per idem, или же*—весьма интересная и многозначительная *антиномія*. Но, хотя г. Ильинскій и не даетъ себѣ труда поставить въ данномъ мѣстѣ критическое NB, однако читатель невольно спрашиваетъ себя: „Да что же это? грубый ли логическій промахъ, или антиномія первостепенной важности?“ Со своей стороны рецензентъ осмѣливается высказаться именно за *антиномію*, и тогда встаетъ новый вопросъ: „Гдѣ корни этой антиноміи?“ Не содержатся ли они въ тѣхъ мистическихъ переживаніяхъ, гдѣ нѣтъ ни „себя“, ни „природы“ въ ихъ раздѣльности, а есть просто бытіе, которое потомъ расщепляется на два параллельныхъ ряда переживаній,—на рядъ переживаній субъективныхъ и на рядъ переживаній объективныхъ. Тогда понятно было бы, почему должно быть, при всей разнородности этихъ рядовъ, ихъ символическое взаимное соответствіе и почему переживанія внутреннія находятъ себѣ символическое выраженіе во внѣ, а внѣшнія—внутри. Такимъ образомъ дѣлалась бы понятной и без-

спорная наличность того, что можно назвать „естественной символикой“, т. е. такого символическаго словаря *человѣчества*, который вытекаетъ изъ природы бытія и которому надо учиться не въ школахъ и не въ книгахъ, а на лонѣ природы и въ тиши келліи.

Не желая затягивать рецензію, мы ограничимся сказаннымъ и оставимъ безъ упоминанія другіе промахи, болѣе частнаго характера, касающіеся неправильности изложенія того или другаго факта и неточности того или иного выраженія. Скажемъ только о странномъ впечатлѣніи, которое не можетъ не произвести на читателя „Заключеніе“. Вопросы затрогиваемые имъ слишкомъ важны, сложны и трудны, чтобы можно было отдѣлываться отъ нихъ нѣсколькими страницами: писать же о нихъ основательно—это значило бы написать сочиненіе въ нѣсколько разъ превосходящее и по объему и по степени трудности все написанное г. Ильинскимъ до „Заключенія“. Тема „Заключенія“ есть тема диссертации, и потому лучше всего было бы вовсе его опустить.

Но, не смотря на указанные здѣсь недочеты и недостатки, общіе г. Ильинскому съ большинствомъ авторовъ по народо-вѣдѣнію, рецензентъ признаетъ, что г. Ильинскій собралъ большой матеріалъ, продумалъ его, въ общемъ, глубже, чѣмъ онъ продуманъ во многихъ аналогичныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, и далъ изложеніе читающееся съ интересомъ. Желательно было бы, чтобы работа его не залеживалась въ академическомъ архивѣ, а, пройдя чрезъ очистительный огонь критики автора, вышла въ свѣтъ по надлежащей переработкѣ.

Степени кандидата г. Ильинскій вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Сравнительно небольшое по объему (стр. 219) сочиненіе г. Ильинскаго написано самостоятельно, съ достаточнымъ знаніемъ русскаго фольклора (литература указана на стр. 220—222) и съ несомнѣннымъ интересомъ къ предмету. Свой подвижный и иногда едва уловимый матеріалъ (сказки, народныя стихи, пословицы и поговорки и т. д.) авторъ оформилъ довольно удачно и систематизировалъ по рубрикамъ, въ основу которыхъ положенъ ясный планъ. Онъ даетъ сначала общую характеристику народнаго міросозерцанія (гл. I):

потомъ выясняетъ представленія народа о душѣ (гл. II), о внутренней сторонѣ душевной жизни и ея проявленіяхъ (гл. III), о тѣлѣ человѣка (гл. IV), о болѣзняхъ, смерти и посмертномъ его существованіи (гл. V) и, наконецъ, — въ краткомъ заключеніи (стр. 210—219), — пытается освѣтить народныя воззрѣнія съ христіанско-богословской точки зрѣнія.

Основной тезисъ автора, — „человѣкъ и природа суггестивны другъ другу“ (стр. 20), — выступаетъ въ изслѣдованіи довольно отчетливо и *въ этомъ смыслѣ*, то-есть *со стороны феноменологии вопроса*, сочиненіе можетъ быть признано достигающимъ своей цѣли. Но за вопросами феноменологии возникаютъ болѣе глубокіе вопросы. Почему, — спрашивается, — народъ стоитъ подъ властью такого стойкаго убѣжденія, въ этой „суггестивности“ природы и человѣка? Есть ли что-нибудь и чтѣ именно есть, въ объективномъ порядкѣ, въ жизни самой природы, что внушало бы ему это убѣжденіе, и отъ чего зависѣло то обстоятельство, что народный фольклоръ всегда отливался въ такую согласную схему, съ одинаковыми, въ общемъ, мотивами? Только ли субъективное здѣсь творчество, обусловленное законами народной психологии, или также и выраженіе объективнаго строя вещей и отношеній, — поэзія-ли только, или вмѣстѣ и истина? Надъ этими важными и интересными вопросами авторъ, къ сожалѣнію, въ своемъ трудѣ не останавливается и *съ этой точки зрѣнія* его сочиненіе оставляетъ многого желать.

Еще большаго оставляетъ оно желать съ точки зрѣнія христіанско-богословской. Правда, въ заключеніи, — къ сожалѣнію уже черезчуръ краткомъ, — авторъ говоритъ кое-что въ разъясненіе этого вопроса: говоритъ о творческомъ могуществѣ слова, о ненормальности и неестественности смерти и т. д., изъ чего, по его разъясненіямъ, должно слѣдовать „сходство до тожества“ идей, понятій и сужденій, выразившихся въ народномъ творествѣ, съ идеями христіанскими. Но, во-первыхъ, эти замѣчанія слишкомъ кратки и поверхностны, а иногда и недостаточно продуманны. Во-вторыхъ, слѣдуетъ съ сожалѣніемъ отмѣтить, что самое важное мѣсто изъ Новаго Завѣта, которое автору непременно слѣдовало бы имѣть въ виду при обсужденіи его темы, — мы разумѣемъ Римл. VIII, 19—22, — онъ совсѣмъ оставилъ безъ вниманія. И, хотя у него есть замѣчаніе, — по обычаю очень бѣглое и

поверхностное, къ тому же и неточное,—что „какъ христіанское ученіе, такъ и народное міросозерцаніе одинаково (?) ставятъ идеаломъ (!!) міровой жизни сліяніе всѣхъ элементовъ въ едино, всеобщую гармонію и синтезъ“ (стр. 212), но этотъ важный для его сочиненія тезисъ остался у него совершенно не раскрытымъ и не обоснованнымъ. По мнѣнію рецензента, это—очень существенный недостатокъ сочиненія.

Однако-же, для полученія степени кандидата сочиненіе г. Ильинскаго, какъ трудъ, выполненный въ феноменологической части тщательно, все же можетъ быть признано достаточнымъ“.

12) О сочиненіи студента *Каширевинова Владимира* на тему: „Ученіе пророковъ о внѣшней природѣ, о человѣкѣ и объ общественномъ бытѣ въ Мессіанское время“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Каширевинова имѣетъ дѣло съ однимъ изъ важныхъ вопросовъ ветхозавѣтной священной письменности. именно съ вопросомъ объ описаніяхъ Мессіанскаго царства у пророковъ. Планъ сочиненія предначертанъ въ самой темѣ, содержащей 3 тезиса, а поэтому и въ сочиненіи 3 основныхъ отдѣла, дополняемыхъ предисловіемъ и заключеніемъ. Послѣ небольшой вступительной части, посвященной (общему) эскизу ветхозавѣтной амартологии, авторъ послѣдовательно говоритъ: 1) о внѣшней природѣ въ Мессіанское время по даннымъ пророческихъ книгъ, касаясь неорганической и органической природы, 2) о человѣкѣ со стороны его физической жизни, душевныхъ и духовныхъ свойствъ во времена Мессіанскаго царствованія (въ духѣ обще-библейской антропологии) и въ 3) объ общественномъ бытѣ въ то же время, причемъ упоминаетъ и о сообщеніяхъ въ пророческихъ книгахъ относительно Іерусалима Мессіанскихъ временъ и о возрѣніяхъ языческаго міра на Мессіанскую монархію. Источникомъ для автора прежде всего служила сама ветхозавѣтная Библия и только ради противоположенія іудейской внѣ-библейской апокалиптики ветхозавѣтнымъ пророчесственнымъ описаніямъ авторъ приводитъ данныя іудейской Мессіологии

изъ такихъ книгъ, какъ псалмы Соломона, Сивиллины книги книга Эноха, Малое Бытіе (кн. Юбилеевъ), сирекій апокалипсисъ Варуха, латинскій апокалипсисъ Еадры, завѣщаніе 12 патріарховъ (памятники іудео-христіанскіе) и т. п. Сочиненіе имѣло своею задачею выборку (отборъ) и схематическое соединеніе Библейскихъ пророчественныхъ мѣстъ, освѣщающихъ съ разныхъ сторонъ Мессіанское царство, а потому оно представляетъ по мѣстамъ мозаику изъ Библейскихъ выписокъ (sentences—catena); авторъ описываетъ Мессіанскія времена языкомъ Библейскаго подлинника, и заслуга его въ полнотѣ представленія предмета рѣчи. У разныхъ пророковъ имѣются параллельныя мѣста, а потому писавшему приходилось выбирать т. с. классически сказанное о томъ или другомъ явленіи въ Мессіанскую эпоху. Сочиненіе г. Каширенинова помимо прямого текстуально-эпигетического содержанія косвенно преслѣдуетъ и апологетическую задачу устранить приписаніе пророкамъ грубо-чувственныхъ воззрѣній на Мессіанское царствованіе, что заставляло бы видѣть въ нихъ предшественниковъ христіанскихъ хиліастовъ. Заслугу автора составляетъ и то, что онъ привлекъ въ поле своего зрѣнія древне-языческія, по преимуществу греко-римскія концепціи золотого вѣка, какъ культурно-историческую параллель къ фантастической мессіологии іудейской апокалиптики, носящей по мѣстамъ не религіозно-этический, но легендарно-матеріалистическій характеръ. Авторъ знакомъ съ ожиданіями реставраціи золотого вѣка у древнихъ индусовъ (аватары Вишну), у древнихъ персовъ (даннѣя о Сосіушѣ или Саошіангѣ и Кайомортѣ), у древнихъ египтянъ (соиическій періодъ); много вниманія г. Каширениновъ удѣляетъ чаяніямъ земнаго безоблачнаго счастья у орфиковъ, у Гезіода, особенно въ получившей широкую извѣстность 4 эклогѣ Virgilія, давшей ему въ средневѣковой схоластикѣ право на мѣсто среди ветхозавѣтныхъ пророковъ. Изложеніе всѣхъ тематическихъ вопросовъ у автора согрѣто религіознымъ чувствомъ, заставляющимъ его по мѣстамъ писать какъ вдохновеннаго пророческими описаніями лирика. Но вообще въ авторѣ замѣтенъ человекъ религіозно-вдумчивый, тщательно взвѣшивающій свои слова, проникнутый мыслью о важности и отвѣтственности экзегесиса столь много говорящихъ Библейскихъ мѣстъ. Въ сочиненіи нѣтъ,

разумѣтся, оригинальности въ смыслѣ новыхъ выводовъ, нѣтъ смѣлыхъ новыхъ комбинацій, но продуманное старое въ изложеніи автора облекается въ уборъ свѣжаго и глубокаго религіознаго чувства.

Изъ недостатковъ въ сочиненіи рецензентъ можетъ указать: 1) на отсутствіе текстуально-критическаго изученія Библейскаго подлинника съ выясненіемъ Мессіологической терминологіи пророковъ, 2) на наклонъ автора къ неологизмамъ или къ новому употребленію выраженій, ставящихся терминологически, напримѣръ, онъ говоритъ объ *единосушій* мужа и жены, о *пророкахъ* въ смыслѣ предсказателей и т. п., 3) на внесеніе въ текстъ матеріала, которому мѣсто подъ строкою, благодаря чему авторъ, какъ писатель, скрывается по мѣстамъ за выписками изъ подлинника Библии, 4) на отсутствіе точныхъ ссылокъ на сочиненія, служившія автору вторыми пособіями, 5) на смѣшанность рубрикъ въ изложеніи, напримѣръ, о климатическихъ явленіяхъ въ Мессіанское время сказано не на мѣстѣ, 6) на спорадически лишь обнаруживаемое и притомъ слабое знакомство съ патристическою экзегетикою, напримѣръ съ толкованіями бл. Иеронима, бл. Августина и т. п. Однако эти частные lapsus въ работѣ г. Каширенинова не препятствуютъ ей быть признанной вполне удовлетворительнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе—очень хорошее. Недостатокъ его лишь тотъ, что въ немъ много лишняго, не относящагося прямо къ темѣ: такъ, все введеніе (стр. 1—32) совершенно не нужно. Взявъ темой ученіе *пророковъ*, авторъ однако ссылается и на языческихъ греческихъ и латинскихъ писателей, и на апокрифы, и на Талмудъ; если говорить о нихъ, то развѣ въ примѣчаніяхъ. Если выбросить все не относящееся къ темѣ, сочиненіе, мнѣ кажется, выиграло бы“.

13) О сочиненіи студента священника *Колесниченко Александра* на тему: „Ученіе первыхъ расколуучителей о Церкви и таинствахъ. (Изложеніе и разборъ)“.

а) И. д. доцента священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Сочиненіе о. Колесниченко начинается введеніемъ. (Первыя страницы введенія, трактующія о значеніи Церкви для

всѣхъ христіанъ, можно было бы опустить безъ всякаго ущерба для дѣла). Во введеніи поименованы расколоучители, въ сочиненіяхъ которыхъ излагаются взгляды на Церковь и таинства, данъ обзоръ литературы о первыхъ расколоучителяхъ, указана задача сочиненія, намѣчены планъ и методъ. Самое изслѣдованіе раздѣляется на двѣ части. Въ первой части, подраздѣляющейся на главы, излагается ученіе первыхъ расколоучителей о Церкви вообще, о Церкви Восточной и Западной, о Русской Церкви до Никона, объ истинной Церкви въ Россіи со времени патріаршества Никона и о Церкви Никоніанской. Во второй части изложено ученіе первыхъ расколоучителей объ іерархіи и таинствахъ, безъ раздѣленія на главы. Въ такъ называемой заключительной главѣ содержится разборъ ученія первыхъ расколоучителей о Церкви и таинствахъ. Эта глава сравнительно очень не велика (267 — 295 стр.) и представляетъ собственно не разборъ ученія первыхъ расколоучителей о Церкви и таинствахъ, а повтореніе того, что говорено объ этомъ въ двухъ частяхъ изслѣдованія, параллельно съ изложеніемъ ученія расколоучителей.

Авторъ далъ подробный перечень трудовъ первыхъ расколоучителей, относящихся къ данной темѣ; равно какъ представилъ обстоятельный обзоръ литературы о первыхъ расколоучителяхъ и ихъ взглядахъ на Церковь и таинства. Матеріалъ, использованный имъ при написаніи рецензируемаго сочиненія, очень обширенъ. Изученіе этого матеріала было не поверхностное: видна самостоятельная обработка и критическое отношеніе къ бывшимъ у автора подъ руками пособіямъ. Изложеніе связанное и послѣдовательное: авторъ всюду строго слѣдуетъ принятому плану. Въ стилѣ автора особенныхъ дефектовъ не замѣчается.

Въ первой главѣ первой части (изложеніе ученія первыхъ расколоучителей о Церкви вообще) читающаго утомляетъ чрезвычайная монотонность, обусловливаемая, впрочемъ, самымъ характеромъ темы и матеріаломъ, подлежащимъ обработкѣ. Лучше было бы не излагать въ отдѣльности ученіе cadaго расколоучителя, а только отмѣтить характерныя особенности cadaго изъ нихъ. Заключение этой главы, по которому ученіе первыхъ расколоучителей о Церкви въ общемъ ничѣмъ не отличается отъ православнаго, показываетъ, что объемъ :

этой главы (стр. 46—87) могъ быть сокращенъ до немногихъ страницъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи уже не встрѣчаемъ такой монотонности и однообразія.

При стройности и послѣдовательности въ развитіи мыслей, въ рецензируемомъ сочиненіи встрѣчаются по мѣстамъ замѣчанія совершенно излишнія и недостаточно обоснованныя: въ немъ не рѣдки повторенія, есть случаи трудно примиримыхъ противорѣчій. На стр. 45 авторъ разсуждаетъ: „въ заключеніи каждой главы... придется отмѣтить не только сходство ихъ (расколоучителей) воззрѣній, но и то, насколько они разошлись въ томъ или другомъ пунктѣ ученія;... разность въ пунктахъ ихъ ученія будетъ свидѣтельствовать о неправильности въ ихъ ученіи, ибо истина едина, и правильное ученіе должно всѣми раздѣляться согласно“. Автору, повидимому, этотъ аргументъ кажется очень сильнымъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія послѣдователя любого раскольническаго толка, любой рационалистической секты, православіе—не болѣе, какъ уклонившаяся отъ пути истины секта. И каждая раскольническая или сектантская община (или ея основатель и представитель) утверждаетъ, что въ ней именно царитъ согласіе и единомысліе; тогда какъ всѣ, находящіеся внѣ ея, никакъ не могутъ придти къ соглашенію. Слѣдовало-бы опровергать лжеучителей на томъ основаніи, что они часто противорѣчатъ сами себѣ, что они отступаютъ отъ признаваемыхъ ими за истину положеній. На стр. 117—118 о Колесниченко усматриваетъ сбивчивость и противорѣчіе въ рѣшеніи соловецкими иноками „вопроса о времени, до котораго Россія славилась своимъ благочестіемъ и правой вѣрой“. Строго говоря, никакого противорѣчія нѣтъ въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ иноки говорятъ о новыхъ книгахъ, въ другомъ—о патриаршествѣ Никона, въ третьемъ—о царствованіи Федора Ивановича. Разсужденія на стр. 220, въ прим. на стр. 272, на стр. 292—293 необходимо признать излишними. Таково же замѣчаніе на стр. 37—38. На стр. 38 и 44, 38 и 45, 242 и 247 встрѣчаемся съ ненужными повтореніями, а на стр. 29 и 287, 37 и 42—съ противорѣчіями. На стр. 150—151 авторъ сообщаетъ, что, по ученію дьякона Федора, „еретичество никоніанской церкви состоитъ... въ *внесеніи* слова „истиннаго“ въ символъ вѣры“ (по ср. стр. 175 и 253). На стр. 247 встрѣчаемся съ оригинальнымъ спо-

собомъ воспроизведенія цитать. „Архіереи убо намѣстницы верховныхъ двюнадесять Апостоль; іереи же и діакони намѣстницы сѣдмидесять Апостоль; вси же между собою братія, единого Владыки рабы“—такъ пишетъ расколоучитель. протопопъ Иванъ Нероновъ, не получившій систематическаго образованія (Матер. для ист. раск., т. I, стр. 175—176). „Архіереи суть намѣстники верховныхъ 12 апостоловъ, іереи и діаконы намѣстники 70 апостоловъ; всѣ же между собой братья, рабы *одной* владыки“—такъ воспроизводитъ слова расколоучителя православный пастырь, ищущій ученой богословской степени. Неудобныя выраженія встрѣчаемъ на слѣдующихъ страницахъ: 7, 8, 50, 87, 136, 142, 146, 163, 176, 227 и др., а грамматическія ошибки (или описки)—на стр. 4, 10, 13, 61, 188, 205 и др.

Довольно странно заявленіе 2-го прим. на стр. 241: „библиографическая замѣтка объ авторѣ Аврааміева сборника (112—150 стр.) не помѣщена въ подстрочникѣ *по недоразумѣнію переписчицы*“. О. Александръ забываетъ, что за погрѣшности переписчицы отвѣчаетъ онъ же. Неизвѣстно для чего авторъ, когда излагаетъ ученіе расколоучителей объ отступленіи Русской Церкви отъ православія, о паденіи вѣры при Никонѣ и пр., всюду послѣ словъ „отступленіе“, „паденіе“ ставитъ въ скобкахъ прилаг. „мнимый“ въ соотвѣтствующей формѣ (стр. 134, 136, 142, 156, 157, 162, 178, 260). Повидимому, онъ спѣшитъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ сочувствіи взглядамъ расколоучителей на Русскую Церковь. Напрасная предосторожность!

Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора А. П. Орлова:

„Ученіе первыхъ расколоучителей о церкви и таинствахъ авторъ излагаетъ почти исключительно на основаніи извѣстныхъ „Матеріаловъ“ проф. Субботина. Во „введеніи“ къ своей работѣ о. Колесниченко указываетъ и имѣвшуюся въ его рукахъ вспомогательную церковно-историческую литературу вопроса, но въ своемъ сочиненіи пользуется ею очень мало, хотя умѣлое привлеченіе къ дѣлу этой литературы въ нѣкоторой степени оживило бы сочиненіе автора, отличающееся крайне—конспективнымъ характеромъ. Сухости сочиненія о. Колесниченко много способствуетъ также стремле-

ніе автора къ излишней схематизаціи: отмѣтивъ иногда на 2—3 страницахъ тотъ или другой пунктъ въ ученіи о церкви у каждаго въ отдѣльности расколоучителя, авторъ всякій разъ въ особомъ резюмѣ дѣлаетъ заключительные выводы изъ изложеннаго отдѣла; заканчивая же такого рода обзоръ расколоучительскихъ воззрѣній по извѣстному вопросу, авторъ находитъ нужнымъ дѣлать еще и общее резюмѣ, обыкновенно въ тавтологическихъ выраженіяхъ повторяя уже не разъ сказанное выше. Такія повторенія мѣстами дѣлають чтеніе работы о Колесниченко утомительнымъ. Стилистическія шероховатости въ сочиненіи автора встрѣчаются (стр. 79, 84, 87, 104, 205 и др.). Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

14). О сочиненіи студента *Кочетова Сергѣя* на тему: „Огласительныя и тайноводственныя поученія Кирилла Іерусалимскаго въ славяно-русской письменности“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Сочиненіе посвящено преимущественно древнему тексту ц.-славянскаго перевода поученій Кирилла Іерусалимскаго, при чемъ въ общихъ чертахъ, путемъ тщательнаго приведенія въ извѣстность всѣхъ списковъ памятника, очерчена и дальнѣйшая исторія этого перевода въ русской и южно-славянской письменности. Въ основу своего изслѣдованія авторъ полагаетъ знаменитый синодальный списокъ XI—XII в. (№ 478), представляющій собою цѣнный матеріалъ для филолога и однако до сихъ поръ еще обстоятельно никѣмъ не изученный. Методологическіе приемы, которыми пользуется авторъ, подсказаны ему образцовыми научными трудами, посвященными аналогичнымъ переводнымъ памятникамъ, въ особенности же—древнимъ ц.-славянскимъ текстамъ Св. Писанія. Онъ даетъ подробное палеографическое описаніе рукописи Синод. библ. (6—75 стр.), характеризуетъ ее со стороны фонетическихъ и морфологическихъ особенностей (108—189), перечисляетъ другіе списки поученій Кирилла (76—106), изслѣдуетъ греческій оригиналъ ихъ (190—275), подвергаетъ тщательному разбору древній ц.-славянскій переводъ съ обращеніемъ особеннаго вниманія на синтаксисъ и лексику его (276—379), наконецъ, анализируетъ выдержки изъ Св. Писанія, попавшія въ текстъ (380—393).

Разсматриваемое въ дѣломъ, сочиненіе г. Кочетова отличается нѣкоторыми выдающимися достоинствами. Главнѣйшее изъ нихъ заключается въ чрезвычайно успѣшномъ примѣненіи къ изслѣдованію памятника сравнительнаго метода. Авторъ разсматриваетъ синодальный списокъ не въ отдѣльности, но въ тѣсной связи съ другими древними памятниками ц.-славянскаго языка разныхъ изводовъ, систематически привлекая къ дѣлу ихъ показанія и умѣло вводя въ районъ соответствующихъ сравненій всѣ факты правописанія и языка разбираемаго памятника. Разумѣется, для такой постановки вопроса онъ долженъ обладать широкой освѣдомленностью въ области древнихъ памятниковъ, ихъ изданій и изслѣдованій объ нихъ, и авторъ такую освѣдомленностью дѣйствительно обладаетъ. Его начитанность въ этой сферѣ кажется прямо изумительною. Общее количество памятниковъ, съ которыми познакомился авторъ, настолько значительно, что индивидуальныя черты письма и языка синодальной рукописи на ихъ фонѣ выступаютъ со всей рельефностью.

Другимъ достоинствомъ сочиненія нужно признать точность изслѣдованія памятника и пристокающую отсюда основательность всѣхъ наблюденій надъ фактами правописанія и языка.

Съ особенной плодотворностью разработаны авторомъ лексическій матеріалъ и выяснено отношеніе славянскаго текста къ греческому оригиналу. Наблюденіями г. Кочетова восполняются тѣ свѣдѣнія о лексикѣ литературныхъ произведеній эпохи Симеона, которыя въ настоящее время существуютъ въ наукѣ.

Но чѣмъ выше методологическая сторона сочиненія и чѣмъ интереснѣе сгруппированный имъ матеріалъ, тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что авторъ избѣгаетъ строить выводы болѣе общаго значенія и даже какъ будто боится ставить новые вопросы. Правда, ему слѣдуетъ поставить въ заслугу то, что въ изслѣдованіи языковыхъ явленій онъ всегда выступаетъ трезвымъ реалистомъ, чуждымъ произвольныхъ построеній. Но крайности этого реализма иногда мѣшаютъ ему оторваться отъ фактовъ языка въ сферу болѣе смѣлыхъ заключеній, какія онъ могъ бы сдѣлать, на основаніи имѣю-

щихся у него данныхъ, относительно литературныхъ кружковъ Симеоновской эпохи.

Остановимся въ частности на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ сочиненія.

Исслѣдованіе греческаго оригинала твореній Кирилла Иерусалимскаго отличается большой тщательностью и, безъ сомнѣнія, потребовало отъ автора большого труда. Основной выводъ, что древне-славянскій текстъ отражаетъ греческій оригиналъ болѣе исправнаго вида, чѣмъ существующія изданія его, заслуживаетъ полнаго вниманія. Но въ изложеніи этого отдѣла у автора наблюдается одна странность: онъ разсматриваетъ отдѣльные греческіе кодексы, классифицируетъ ихъ и производитъ оцѣнку, не посвящая вездѣ читателя въ тѣ изданія ихъ, какими онъ самъ пользуется. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто г. Кочетовъ имѣетъ дѣло съ подлинными кодексами, а не съ изданіями ихъ, хотя онъ и предостерегаетъ читателя отъ этого недоразумѣнія. Можно различно относиться къ такому приему. Но на нашъ взглядъ, между кодексомъ и изслѣдователемъ, который пользуется имъ не въ подлинномъ видѣ, а въ изданіи, стоитъ настолько отвѣтственный посредникъ, въ лицѣ издателя, что для самого г. Кочетова было бы выгоднѣе сложить всю отвѣтственность за точность передачи греческаго текста на тѣхъ ученыхъ, изданіями которыхъ онъ пользуется.

Характеристика славянскаго перевода со стороны синтаксиса, въ общемъ не лишенная интересныхъ подробностей, обнаруживаетъ, однако, что автору не пришлось познакомиться съ трудами по синтаксису Миклошича и др. Отсюда не всѣ его наблюденія нашли себѣ достаточно опредѣленную формулировку. Такъ, замѣна винит. пад. родительнымъ, подмѣченная имъ, находитъ себѣ мѣсто въ ц.-славянскомъ языкѣ тогда, когда дополненіе зависитъ отъ неопред. наклоненія, причастія или суфина.

Наконецъ, касаясь изложенія, въ общемъ весьма хорошаго, нельзя не выразить удивленія по поводу слишкомъ частнаго употребленія выраженій: „безъ сомнѣнія„ и „безусловно“; буквально портящихъ въ остальномъ правильный языкъ автора.

Авторъ обладаетъ всѣми данными, чтобы расширить и исправить свое сочиненіе въ указанныхъ отношеніяхъ. Но

и въ наличномъ видѣ оно представляетъ собою настолько серьезную научную монографію, что я могу смѣло привѣтствовать въ лицѣ автора талантливаго и трудолюбиваго специалиста - филолога и богослова,—вполнѣ заслуживающаго кандидатской степени и особаго вниманія со стороны Совѣта Академіи“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа—отличная. Авторъ изслѣдуетъ выбранный имъ памятникъ всесторонне: тутъ мы находимъ и подробное палеографическое описаніе его, и изслѣдованіе языка его въ разныхъ отношеніяхъ. Мало того, авторъ считаетъ необходимымъ обратиться и къ греческому тексту твореній Кирилла, рассмотреть его исторію, „опредѣлить отношенія существующихъ текстовъ между собою и отыскать тотъ текстъ или семью его, съ котораго былъ сдѣланъ славянскій переводъ“ (стр. 195). Работа эта—не компиляція: автору пришлось имѣть дѣло съ сырымъ матеріаломъ и самостоятельно изслѣдовать его. Литературу предмета, прямо или косвенно касающуюся его темы, онъ, повидимому, изучилъ тоже хорошо; но, къ сожалѣнію, онъ чрезвычайно скупъ на ссылки, такъ что не всегда можно сразу различить, что принадлежитъ ему самому и что онъ заимствуетъ у другихъ. Это—одинъ изъ его недостатковъ. Другой его недостатокъ, бросающійся въ глаза, это—чрезвычайно частое употребленіе выраженія „безъ сомнѣнія“ и другихъ подобныхъ, хотя вмѣсто этого иногда, можетъ быть, было бы лучше иначе доказать свое мнѣніе. Вѣроятно, найдутся и другіе недостатки—въ конечныхъ выводахъ изслѣдованія, о которыхъ я, какъ не специалистъ въ этой области, судить не могу; но съ общей точки зрѣнія, съ какой я разсматривалъ эту работу, съ точки зрѣнія метода изслѣдованія, она мнѣ представляется, какъ я сказалъ, отличной“.

15) О сочиненіи студента священника *Кудржинскаго Антонія* на тему: „Расколоучитель Спиридонъ Потемкинъ“.

а) И. д. доцента *А. К. Мишина*:

„Сочиненіе о. Кудржинскаго состоитъ изъ предисловія, шести главъ изслѣдованія и приложений.“

Въ предисловіи авторъ говоритъ о значеніи Спиридона

Потемкина въ исторіи русскаго раскола, указываетъ задачи своей работы, знакомить съ источниками и литературой предмета и даетъ полный перечень сочиненій расколуучителя съ подробными заглавіями, начальными и конечными словами каждаго изъ нихъ.

Первая глава изслѣдованія трактуетъ о причинахъ происхожденія раскола на Руси и изображаетъ ту духовную атмосферу, въ которой выросъ и дѣйствовалъ старецъ Спиридонъ. Вторая содержитъ біографію Потемкина. Третья посвящена анализу его словъ. Четвертая предлагаетъ систематическій обзоръ его ученія. Пятая уясняетъ степень вліянія Потемкина на его послѣдователей. Шестая говоритъ объ источникѣ увѣренности Потемкина и его учениковъ въ близости антихристова пришествія.

Въ приложеніяхъ помѣщены копіи съ житій ¹⁾ и словъ ²⁾ расколуучителя.

Первую главу изслѣдованія надо признать вполне удовлетворительной. Опираясь на солидные труды по исторіи раскола, о. Кудржинскій удачно вскрываетъ факторы, вызвавшіе отпаденіе въ XVII в. отъ православной церкви множества русскихъ людей, и вводитъ читателя въ пониманіе той среды, какая создала и поддерживала Спиридона Потемкина.

Вторая глава составлена исключительно на основаніи жи-

¹⁾ Здѣсь мы находимъ: 1) біографію изъ „Винограда Россійскаго“, сличенную съ біографіей, опубликованной въ „Разсказахъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной разыскныхъ дѣлъ канцеляріи“ Есипова (т. II, стр. 169. Издан. Кожанчикова 1863 г.); 2) біографію, помѣщенную въ описаніи рукописей и каталоговъ старопечатныхъ книгъ бібліотеки А. И. Хлудова (Москва, 1872. листъ 141; $\frac{71}{651}$); 3) біографію, приложенную къ рукописи Московской духовной академіи подъ № $\frac{1}{33}$ (по каталогу бібліотеки) и 59 (по подвижному каталогу), сличенную съ житіемъ Потемкина, напечатаннымъ въ VI томѣ „Матеріаловъ по исторіи раскола“ Субботина.

²⁾ Въ основу текста сочиненій Спиридона Потемкина о. Кудржинскій положилъ рукопись Московской духовной академіи за № 59, въ которой нѣтъ второй половины 7-го слова, всего 8-го и 9-го. Эта рукопись сравнена съ рукописью той же бібліотеки за № 66, гдѣ не хватаетъ всего 9-го и почти всего 8-го слова, и съ рукописью Императорской Публичной Библіотеки q 1, № 486, содержащей въ полномъ видѣ все 9 словъ Потемкина.

тій. Этотъ источникъ использованъ о. Кудржинскимъ полно и умѣло. Однако нельзя не пожалѣть, что онъ оставилъ въ сторонѣ сочиненія самого Потемкина. Отсюда онъ могъ бы извлечь рядъ цѣнныхъ данныхъ для характеристики автора въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Обратиться къ собственнымъ трудамъ Потемкина для него было тѣмъ обязательнѣе, что показанія житій скудны и могутъ получить вполне правильное истолкованіе лишь при сопоставленіи съ текстомъ словъ. Недостаточность житійныхъ свидѣтельствъ о. Кудржинскій отчасти восполнилъ собственными догадками, но эти послѣднія не всегда удачны. Такъ, трудно признать состоятельными его разсужденія объ ученыхъ диспутахъ Спиридоны съ католиками въ Варшавѣ (стр. 31—32).

Слѣдующая глава значительно слабѣе. вмѣсто обѣщаннаго авторомъ анализа мы находимъ здѣсь послѣдовательный пересказъ каждаго слова, иногда краткій, нерѣдко подробный, доходящій до буквального повторенія цѣлыхъ страницъ оригинала. Языкъ автора, не вполне удовлетворительный и въ другихъ главахъ, въ настоящей прямо неудаченъ. Она написана длинными, тяжелыми фразами, которыя по мѣстамъ грамматически неправильны (стр. 50, 59, 61, 65, 73, 76, 105, 110, 127, 134 и др.), страдаютъ недостаткомъ ясности и удобовразумительности (стр. 80, 83, 92, 95, 106, 112, 125 и др.). Къ недочетамъ третьей главы слѣдуетъ также отнести отсутствіе цитатъ и сплошное, безъ красныхъ строкъ и выдѣленія собственныхъ замѣчаній автора, письмо.

Содержаніе четвертой главы изложено въ 9 рубрикахъ: I) о противоборствѣ сатаны Богу; II) о церкви; III) о таинствахъ и молитвѣ; IV) о крестномъ знаменіи; V) о Св. Духѣ; VI) о книжномъ исправленіи; VII) о римской прелести; VIII) объ аллилуйи; IX) о послѣднихъ предтечахъ антихристовыхъ и о самомъ антихристѣ. Число рубрикъ однако не лишне было бы увеличить. Особенно желательно видѣть въ настоящей главѣ обстоятельное изложеніе мыслей Потемкина объ ересяхъ, какія онъ нашелъ въ исправленномъ текстѣ церковныхъ книгъ. Не можетъ быть одобренъ и усвоенный о. Кудржинскимъ способъ передачи взглядовъ Потемкина. Онъ ограничивается пересказомъ въ сжатомъ видѣ и собственными словами наиболѣе существеннаго въ ученіи старца

между тѣмъ если гдѣ и слѣдовало говорить особенно подробно и преимущественно языкомъ источниковъ, то именно здѣсь. Въ результатѣ глава получилась гораздо блѣднѣе, чѣмъ можно было ожидать при правильномъ отношеніи автора къ дѣлу. Необходимо упрекнуть здѣсь о. Кудржинскаго и въ неумѣлой цитациі. Невѣрныя указанія на источники и пособия попадаютъ и въ другихъ отдѣлахъ его работы, но сравнительно рѣдко. Въ четвертой же главѣ почти треть ссылокъ на слова Потемкина или имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ дѣлу или не имѣетъ ровно никакого.

Въ пятой главѣ авторъ пользуется вообще правильными приемами изслѣдованія и приходитъ къ цѣннымъ въ научномъ отношеніи выводамъ. Тѣмъ не менѣе онъ не всегда осмотрителенъ. Напримѣръ, доказывая зависимость Аввакума отъ Спиридона ссылками на параллельныя мѣста въ сочиненіяхъ обоихъ расколоучителей, онъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ буквальныя выдержки изъ библіи и обороты обыденной рѣчи, т. е. пользуется данными весьма ненадежнаго характера. Разсужденія его о литературной дѣятельности Данила костромскаго (стр. 162—163) и инока Исаи (стр. 170) представляются не совсѣмъ умѣстными. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ интересахъ полноты и обстоятельности о. Кудржинскому не мѣшало бы указать хоть въ общихъ чертахъ значеніе Спиридона Потемкина въ судьбахъ расколахъ за предѣлами XVII-го вѣка. Уже одинъ фактъ существованія рукописей XVIII и XIX вв. со словами Потемкина давалъ автору точку опоры для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ выводовъ.

Шестая глава и по содержанію и по изложенію удовлетворительна; но ради стройности изслѣдованія ее лучше было бы помѣстить раньше, послѣ четвертой или третьей главы.

Въ приложеніяхъ о. Кудржинскій даетъ цѣнные матеріалы. Благодаря его сочиненію, бібліотека Московской духовной академіи будетъ, наконецъ, обладать полнымъ текстомъ словъ одного изъ выдающихся расколоучителей XVII-го вѣка. Къ сожалѣнію, форма, въ которой эти матеріалы предлагаются вниманію читателя, не соответствуетъ ихъ цѣнности. Въмѣсто того, чтобы сосредоточить разночтенія подъ текстомъ, о. Кудржинскій отмѣчаетъ ихъ надъ строками; въ

разстановкѣ знаковъ препинанія онъ, не слѣдуетъ ни рукописямъ, ни современной русской грамматикѣ; листы рукописей онъ неправильно называетъ страницами, отмѣчаетъ „страницы“ лишь одного манускрипта, а, начиная съ полувинны 7-го слова, не дѣлаетъ даже и такихъ указаній.

Своимъ сочиненіемъ о Кудржинскій затронулъ почти неразработанную область. Если о происхожденіи русскаго раскола написанъ рядъ серьезныхъ изслѣдованій, то о Спиридонѣ Потемкинѣ, не смотря на выдающуюся роль этой личности въ судьбахъ раскола, до сихъ поръ ничего еще не сказано. О Кудржинскому принадлежитъ, такимъ образомъ, честь совершенно самостоятельнаго изученія первоисточниковъ. Этимъ обстоятельствомъ, несомнѣнно, объясняется значительное количество промаховъ въ его работѣ: идти по проторенной дорогѣ вѣдь гораздо удобнѣе, чѣмъ пролагать собственную тропу; оно же дѣлаетъ многіе изъ указанныхъ выше промаховъ извинительными.

Обширные размѣры сочиненія (XX+180+VI+122 стран. большого формата), хорошій планъ, удачное во многихъ пунктахъ его выполненіе, почти полная независимость автора отъ пособій: все это, вмѣстѣ взятое, даетъ о Кудржинскому несомнѣнное право на степень кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„О. Кудржинскій ставитъ своею задачей дать „литературную біографію“ одного изъ первыхъ и наименѣе извѣстныхъ расколоучителей, архимандрита Спиридона Потемкина. Съ этою цѣлью онъ описываетъ жизнь Потемкина въ связи съ историческою обстановкой, подготовившей русской расколъ, даетъ „анализъ“ его сочиненій, излагаетъ его ученіе, рассматриваетъ его вліяніе на современниковъ и пытается разобраться въ тѣхъ настроеніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла его проповѣдь объ антихристѣ. Въ видѣ приложенія къ своей работѣ онъ помѣщаетъ три редакціи житія этого старца и воспроизводитъ по тремъ рукописямъ 9 его словъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ планъ былъ выполненъ авторомъ вездѣ удовлетворительно. Излагая біографію Спиридона Потемкина и дѣлая характеристику его личности, о. Кудржинскій не использовалъ того біографическаго матеріала, какой онъ могъ бы найти въ его проповѣдяхъ; то,

что онъ называетъ „анализомъ“ словъ Потемкина, представляетъ собою скорѣе пересказъ ихъ содержанія и буквальное воспроизведеніе ихъ текста; „систематическое изложеніе“ ученія расколоучителя не вполнѣ систематично и недостаточно документально; соображенія о вліяніи Потемкина на Аввакума, Данила Костромского, Лазаря, дьякона Θεодора и др. не всегда убѣдительны и нерѣдко имѣютъ даже характеръ произвольныхъ предположеній. Наконецъ, ко всему этому нужно прибавить, что авторъ пишетъ очень тяжелымъ, неяснымъ и мѣстами даже грамматически неправильнымъ языкомъ. Однако, всѣ эти недостатки въ значительной степени искупаются тѣмъ, что сочиненіе о Кудржинскаго представляетъ собою самостоятельный трудъ, написанный на основаніи неизданнаго рукописнаго матеріала. Авторъ имѣлъ дѣло съ писателемъ, еще почти не изслѣдованнымъ, и ему нужно поставить въ серьезную заслугу то обстоятельство, что онъ собралъ и внимательно рассмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе документы, относящіеся къ жизни и литературной дѣятельности этого расколоучителя.

Степени кандидата богословія сочиненіе заслуживаетъ“.

16) О сочиненіи студента *Купріянова Николая* на тему: „Противораскольническая полемика второй половины XVII вѣка“.

а) И. д. доцента *Θ. М. Россейкина*:

„Предложенная г. Купріянову тема допускала какъ широкое, такъ и болѣе узкое пониманіе. Подъ понятіе полемической противораскольнической литературы могли быть подведены не только сочиненія съ опредѣленно выраженнымъ полемическимъ характеромъ, но и всѣ тѣ, которыя, не вступая въ прямыя пренія съ расколоучителями, содержали однако матеріалъ, пригодный для полемики, или излагали фактическую сторону книжнаго исправленія въ освѣщеніи, явно неблагопріятномъ расколу. Таковы „Скрижалъ“ и „Предисловія“ къ Служебникамъ. Всѣ подобныя сочиненія и изданія г. Купріяновъ оставляетъ въ сторонѣ и ограничивается изслѣдованіемъ литературы, полемической въ строгомъ смыслѣ. Но и послѣдняя дѣлается предметомъ изученія далеко не въ полномъ объемѣ; авторъ привлекаетъ только